

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

ДЕНЬ РОССИИ

12 июня

**Репертуарно-методический сборник в помощь
КДУ, центрам культуры МО РД**

Махачкала 2024

«Этот государственный праздник знаменует неразрывность многовековой истории, величие и славу Отечества, утверждает единство нашего многонационального народа, нашу преданность своей стране, теплое, душевное отношение к любимой родине...»

«Мы будем стремиться быть лидерами, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов России, с её великой историей и культурой, с многовековым опытом разных народов в рамках одного единого государства, чтобы мы могли всегда гордиться своей страной».

В.В. Путин

Уважаемые коллеги!

Общероссийский праздник День России, который ежегодно отмечается 12 июня, закрепляет главную культурно-историческую традицию нашего общества – нерушимое единство и дружбу народов.

Только на одной территории Республики Дагестан представлено более 100 национальностей и малых народностей, поэтому политика республики строится с учетом принципов многообразия культуры. Это приоритетное направление отмечено руководством Дагестана и страны в целом.

Сегодня такие общепризнанные ценности, как патриотизм, дружба народов, взаимовыручка, ответственность и достоинство, горский кодекс чести – это то, чем мы по праву гордимся и обязаны передавать подрастающему поколению как главный нравственный ориентир и духовную опору всего Дагестана, а значит и России в целом.

История сохранила немало примеров стойкости, мужества, сплоченности дагестанских народов. Мы также не должны забывать, что значительные успехи были достигнуты благодаря русской интеллигенции. Приобщение к русской, а через нее и к мировой культуре явилось важным условием формирования национального самосознания, которое позволяет нам сохранять генетический код. Все мы чувствуем себя представителями своего народа, города, села или района и в то же время частью единого Дагестана и России. Конечно, у дагестанского народа есть немало проблем и вопросов, но все они могут быть решены, если мы будем действовать сообща: «Мы вместе – Россия».

Однозначная позиция и решимость многонационального дагестанского народа жить вместе с русским и другими народами в составе Российской Федерации были и остаются основой единства. Конституция Дагестана стала ярким выражением непоколебимости исторического выбора и твердой воли дагестанского народа.

Народы Дагестана прошли большой и сложный путь развития: на протяжении веков они боролись за национальную независимость. Страницы нашей общей истории изобилуют героическими подвигами дагестанцев в защиту родины и свободы.

Репертуарно-методический сборник адресован клубным учреждениям МО РД. Для проведения мероприятия предлагаем сценарий театрализованного мероприятия «Моя Россия» по произведениям народного поэта Дагестана Р. Гамзатова.

«МОЯ РОССИЯ»

Сценарий театрализованного мероприятия в День России

Рекомендации. *Работникам КДУ, центров культуры необходимо доступными средствами рассказать населению, особенно подрастающему поколению, о героическом прошлом дагестанцев, о культуре своего села, района, города. Следует использовать все формы и методы культурно-досуговой работы, чтобы возродить в сердцах людей чувства патриотизма, интернационализма, толерантности, без которых невозможен современный мир.*

Для проведения торжественного мероприятия подготовить площадку: цитатами президента В.В. Путина, создать презентацию или слайды, которые будут сопровождать речь ведущего. В ходе театрализованного мероприятия следует задействовать детей и молодежь.

Ведущий: 12 июня наша страна отмечает важный государственный праздник – День России. С 2002 года этот праздник именовался как День принятия Декларации о государственном суверенитете России. Это один из самых «молодых» государственных праздников в стране.

12 июня 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России, в которой были провозглашены главенство Конституции России и ее законы. К тому времени многие республики СССР уже приняли решение о своем суверенитете, поэтому данный документ принимался в условиях, когда республики одна за другой становились независимыми. И важной вехой в укреплении российской государственности стало принятие нового названия страны – Российская Федерация (Россия).

Именно 12 июня, помимо «независимости», Россия обрела и первого Президента. Своим указом президент в 1994 году придал 12 июня государственное значение, а сам праздник получил название – День принятия декларации о государственном суверенитете России. Сейчас его стали называть Днем независимости.

Пусть проходят годы, сменяются эпохи, но дружба народов нашей многонациональной республики – аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, русских, табасаранцев и др. выдержала суровое испытание в годы гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны и в период вторжения международных террористов в 1999 г.

Единство народов Дагестана заключено в родственной основе всех его этносов. Мы должны донести это понимание до наших внуков и правнуков, чтобы те, в свою очередь передавали завет своим потомкам жить во имя процветания края и счастья всех населяющих его народностей.

Звучит музыка _____ .

Ведущий: Поэт своей эпохи Р. Гамзатов, чей юбилей вся страна отмечала в прошлом, 2023 году, внес неоценимый вклад в благородное дело укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, он много ездил по стране и посвятил русскому и дагестанскому народам немало произведений. В них сосредоточен главный смысл наших взаимоотношений. Русско-кавказский мир укрепляется и продолжает жить в современных реалиях, являясь крепким мостом между Россией и Дагестаном, а единство это еще один знак нерушимости этих миров.

Чтение отрывка из поэмы Р. Гамзатова «Мой Дагестан» следует сопровождать презентацией с изображениями горных пейзажей, бытом и укладом дагестанцев; фоном могут быть дагестанские мотивы.

Расул Гамзатов

«МОЙ ДАГЕСТАН»

НАРОД

Отрывки из книги

"Скажи, Америка такая же большая страна, как и наша? У них больше населения или у нас?" – так спрашивала моя мать в 1959 году, когда я возвратился из Америки.

Умеющий веселиться без шума и звона,

Умеющий плакать с сухими глазами,
Умереть умеющий без жалкого стога
Таков человек, рожденный горами.

В ночное окно в тихом, спящем ауле, может быть, в дождь, может
быть, в хорошую погоду, раздается короткий стук.

– Эй, есть там мужчина? Седлай коня!

– А ты кто?

– Если спрашиваешь "кто", оставайся дома. От тебя толку не будет.

И опять: стук, стук.

– Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

– Куда? Зачем?

– Если спрашиваешь "куда", "зачем", оставайся дома. От тебя толку не
будет.

В третий раз раздается стук.

– Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

– Сейчас. Я готов.

Вот мужчина, вот горец! И поехали они вдвоем. Стук, стук. "Есть там
мужчина? Седлай коня". И вот их уже не двое, не трое, не десять, а сотни и
тысячи. К орлу прилетел орел, за человеком пошел человек. Так и
образовался народ Дагестана. Ущельные ветры качают люльки, горные реки
поют колыбельные песни:

– Где ты был, Дингир-Дангарчу?

– В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Родился сын – под подушку положили кинжал. На кинжале надпись:
"У отца была рука, в которой я не дрожал, будет ли у тебя такая?"

Родилась девочка, на колыбель повесили колокольчик с надписью:
"Будешь сестра семи братьев".

Качаются в ущельях зыбки на веревках, перекинутых с одной скалы на
другую. Растут сыновья, растут и дочери. Вырос народ Дагестана, выросли у
него усы, можно закручивать.

И стало дагестанского народа один миллион и сто тысяч. Пошла о нем слава по отдаленным горам, обожгла эта слава ненасытные сердца завоевателей, потянулись к Дагестану жадные руки.

Дагестанцы говорили: "Оставьте нас в покое у наших домашних очагов, с родителями и женами. Нас и так мало".

Враги отвечали: "Если вас мало, то разрубим каждого из вас надвое, и вас будет больше".

Начались войны.

Загорелся, запылал Дагестан. На склонах гор, в ущельях, в скалах погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана, самых молодых, крепких, отважных.

Но остался миллион. А ветры по-прежнему качали колыбели, не умолкали колыбельные песни. Выросло сто тысяч новых дагестанских сынов. Дали им имена погибших героев. И тогда на Дагестан надвинулось нашествие арабов.

Была великая битва, и был от битвы великий шум. Отсеченные головы катились по ущельям словно камни. Погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана. Сто тысяч воинов, сто тысяч пахарей, сто тысяч женихов, сто тысяч отцов.

Но остался миллион, и не перестали качаться люльки, не смолкли колыбельные песни:

– Где ты был, Дингир-Дангарчу?

– В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Выросло новых сто тысяч, и пришел тогда из Ирана шах над шахами, смертоподобный Надир. Он собирался покорить мир, а уж с Дагестаном хотел расправиться одним ударом. "Дуну на них и сдую, как пыль". Раскинул он шатры. "Неужели эти мыши собираются воевать против моих котов?" – так еще говорил шах над шахами перед началом битвы. Но в конце ее он сказал: "Все свое войско готов сменять на одного их героя Муртузали".

Много красивых слов говорил шах Надир. Но не по мычанию узнают силу быка, а во время дела. По ветру пустили горцы шаха над шахами, погнали его войско, как ветер гонит золу, обильно полили своей и чужой кровью бесплодную, выжженную Чохскую долину. С тех пор в Иране есть поговорка: "Если шах глуп, то он пойдет завоевывать Дагестан".

Я видел в Тегеране золотой трон шаха Надира, привезенный из Индии. Я видел его добычу из разных стран, я видел его кривой меч.

– Эта маленькая вещь держала в повиновении и страхе полмира, – сказали мне иранские друзья.

– Но не сумела дотянуться до маленького Дагестана.

В Мешхете стены музея шаха Надира расписаны стихами прославленных поэтов Ирана, восхвалявших шаха на все лады. Но и дагестанский народ триста лет поет песню об этом шахе:

Бегите, спасайтесь, мы вас не убьем,

Мы вас не прикончим на месте,

Чтоб вы рассказали о бегстве своем,

Мы вас оставляем для вести.

В Иране считают, что шах Надир объединил разрозненные народы и создал могучее Иранское государство. Может быть, оно так и есть. Но я к этому добавил бы, что он помог объединиться и разрозненным дагестанским народам, нашим сердцам. Их объединила общая ненависть к шаху-завоевателю.

В войне с шахом Дагестан потерял сто тысяч лучших своих сынов. Погибли чабаны, охотники, каменотесы, чеканщики, землепашцы, поэты...

Но остался миллион. Качались люльки, пели песни, джигиты увозили своих возлюбленных, согревались под одной буркой, обнимались, продолжали род Дагестана. Народилось сто тысяч новых сынов и дочерей, сто тысяч серпов, кинжалов, пандуров, бубнов.

Тогда началась еще одна война. В ущельях и на каменистых дорогах загремели пушки. В лесах на склонах гор застучали топоры. Засверкали штыки, засвистели пули.

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на Восток.
И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый

И не счел врагов...

Да, трудно было их сосчитать. В наших песнях поется, что приходилось выходить одному на сто. "Отрубали руку – дрались другой рукой, отрубали голову – тела продолжали драться, – рассказывали о той войне старики. Убитыми конями перегораживали дороги и ущелья, с высоких скал прыгали на штыки. Нам говорили: хватит лить кровь. Соппротивление бесполезно. Куда вы денетесь? У вас нет крыльев, чтобы взлететь в небо. У вас ведь нет таких когтей, чтобы зарыться в землю.

Но Шамиль отвечал:

– Есть крыло – моя сабля. Наши когти – наши кинжалы, наши стрелы.

Двадцать пять лет дрались горцы во главе с Шамилем. В те годы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. Авар-Койсу стала называться Кара-Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля.

Трагическим венцом войны стала гора Гуниб. На ее вершине последний раз молился имам. Во время молитвы в поднятую руку попала пуля. Не вздрогнул Шамиль и продолжал свой намаз. Кровь обрызгала колени имама и каменную плиту, на которой он стоял. Раненый имам довел до конца свою молитву. Когда он встал, приближенные сказали ему:

– Ты ранен, имам.

– Эта рана – пустяк. Она заживет. – Шамиль сорвал пучок травы и стал вытирать кровь с руки. – Дагестан истекает кровью. Ту рану залечить труднее.

В этот самый тяжелый час имам призвал к себе на помощь своих храбрецов, давно уж взятых могилой. И тех, которые сложили головы на Ахульго, и тех, которые погибли в Хунзахе, и тех, которые остались лежать в каменистой земле близ аула Салты, и тех, которые похоронены в Гергебиле, и тех, которые пали в Дарго.

Он вспомнил своего одноаульца и предшественника, первого имама Кази-Магомеда, хромого Хаджи-Мурата, Алибекилава, Ахбердилава и многих еще храбрецов. Кто без головы, кто без руки, кто с простреленным сердцем, лежат они в дагестанской земле. Война – это значит смерть. Сто тысяч лучших дагестанских сынов.

А Шамиль, пересекая великую Россию, все еще твердил:

Мал Дагестан, мал наш народ. Мне бы еще хоть капельку сабель.

В Верхнем Гунибе сохранился камень, на котором есть надпись: "На сем камне восседал князь Барятинский, принимая пленного Шамиля".

- Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба, – сказал Барятинский своему пленнику.

- Нет, не напрасны, – ответил Шамиль. – Память о ней сохранится в народе. Многих кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие "мой народ", "моя нация", она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?

Я спросил у отца:

- Почему арабы, Тимур, шах Надир шли на нас, проливали кровь, сеяли зло и ненависть? Зачем им нужен был Дагестан, похожий на волчонка, не познавшего нежности и ласки?

- Я расскажу тебе притчу об одном очень богатом человеке. Да, он был очень богат. Когда он поднялся на холм, то увидел, что вся долина от подножия гор до берега моря заполнена его отарами. Не видно конца и его рогатым стадам, и его резвым табунам. Весь воздух был наполнен блеянием ягнят. И возрадовалось сердце богатого человека, что вся земля – его земля и весь скот на земле – его.

Но вот взгляд богача упал вдруг на клочок земли, оставшийся свободным и пустым от его стад. И заныло тогда его сердце, будто кто нанес ему глубокую рану. Разгневался богач и закричал грозным голосом: "Эй! Что

там за клочок земли, похожий на облысевшую шкуру? Неужели у меня не хватит овец, чтобы заполнить его?! Гоните туда отары, гоните стада!"

Но больше всего отец любил рассказывать о самом Шамиле. Например, о том, как Шамиль победил смелого разбойника. Однажды имам со своими мюридами приехал в какой-то аул. Старейшины аула встретили его враждебно. Они сказали:

- Нам надоела война. Мы хотим жить мирно. Если бы не ты, мы давно бы помирились с царем.

- Эй, вы, что были раньше горцами! Вы что же, хотите есть дагестанский хлеб, а служить его врагам? Разве я нарушил ваш мир и покой? Я его защищаю.

- Имам, мы ведь тоже дагестанцы, но мы видим, что эта война ничего хорошего Дагестану не дает и не даст. На одном упрямстве далеко не уедешь.

- Вы дагестанцы? По месту вы и правда живете в Дагестане, но сердца у вас заячьи. Вам нравится ворошить угли в очаге, когда Дагестан истекает кровью. Откройте ворота! Или мы их откроем саблями!

Долго переговаривались аульские старейшины с имамом, наконец решили впустить его и принять мирно как высокого и почетного гостя. За это Шамиль дал им слово не убить ни одного человека в этом ауле и не вспоминать о старых грехах. Он остановился в сакле верного своего кунака и жил тут несколько дней, ведя переговоры со старейшинами аула.

В то время в самом ауле и в его окрестностях промышлял ужасный разбойник, великан более чем двухметрового роста. Он грабил всех подряд, отнимал зерно, скот, коней, убивал и запугивал жителей аула. Для него не было ничего святого. Аллах, царь и имам были для него пустые слова.

Тогда старейшины аула обратились с просьбой к Шамиллю:

- Имам, освободи нас от этого разбойника.

- Но что я с ним должен сделать?

- Убить, имам, убить. Он же сам многократный убийца.

- Я дал слово вашему джамаату не убивать в этом ауле ни одного человека. Слово надо держать.

- Имам, найди способ, освободи нас от злодея!

Через несколько дней мюриды Шамиля окружили разбойника, поймали и связали его, а приведя в аул, посадили в подвал. Чтобы наказать преступника по заслугам, собрался специальный суд-диван. Постановили выколоть бандиту глаза. Слепив, снова посадили злодея в подвал, под замок.

Прошло несколько дней. Однажды ночью, ближе к рассвету, когда Шамиль спал крепким сном, раздался в его комнате шум и грохот. Имам вскочил, огляделся. Видит, что, раскрошив топором дверь, надвигается на него гора – звероподобный человек, похожий на дива, рычащий, извергающий проклятия. Имам понял: разбойнику удалось каким-то образом убежать из-под замка, и теперь он пришел отомстить.

Гигант надвигался скрипя зубами. В одной руке он держал огромный кинжал, в другой – топор. Имам тоже схватил свой кинжал. Он звал мюридов, но разбойник успел зарубить их. Аул спал. Никто не слышал зова имама.

Отступая, Шамиль ловил удобный момент, чтобы напасть на противника, а тот сослепу прыгал туда и сюда, метался и махал топором. Он разворотил топором все, что было в комнате.

- Где же ты, храбрец, о котором рассказывают книги? - кричал гигант. Где ты прячешься? Иди, свяжи мне руки, поймай меня, выколи мне глаза.

- Я здесь! - громко крикнул имам и тотчас отскочил в сторону. Топор врезался глубоко в стену как раз в том месте, где секундой раньше стоял Шамиль. Тогда он улучил минуту, прыгнул на своего врага. Тот был сильнее, лютее. Начал кидать и швырять Шамиля, успел несколько раз поранить.

Но ловкость и быстрота Шамиля всякий раз выручали, ему удавалось избежать смертельного ранения. Борьба длилась около двух часов. Наконец разбойник схватил Шамиля, поднял над головой и хотел ударить об пол, а

потом и отрубить голову. Но поднятый в воздух Шамиль изловчился и успел ударить несколько раз кинжалом по голове разбойника. Тот внезапно сник, ослабел, закачался и рухнул, как кирпичная башня. Кинжал выпал из его рук. Утром нашли их обоих в луже крови. У Шамиля оказалось девять ран, и ему целый месяц еще пришлось лечиться в том ауле.

Борьба Шамиля с могущественным внешним противником во многом напоминала эту драку. Противник в незнакомых ему горах иногда действовал как бы вслепую. Шамиль же ловко увертывался от ударов и внезапно нападал то сбоку, то сзади.

У каждого горца, наверное, есть свой образ Шамиля. Я тоже вижу его по-своему.

Он еще молод. На плоской скале Ахульго, припав на колени, он воздел в небо руки, только что омытые волной Аварской Койсу. Рукава черкески засучены. Губы шепчут какое-то слово – некоторые утверждают, что, когда во время молитвы он шептал "аллах", слышалось людям – "свобода", а когда он шептал "свобода", слышалось людям – "аллах".

Он уже стар. На берегу Каспия он навсегда прощается с Дагестаном. Он пленник белого царя. Он поднялся на камни и окинул взглядом кипящие воды Каспия. Губы его вместо "аллах" и "свобода" шепчут "прощай". Говорят, что на щеках его видели в тот час капли влаги. Но ведь Шамиль никогда не плакал. Возможно, это были морские брызги.

И все же ярче всего он представляется мне, по рассказу отца, в тесной сакле один на один с разъяренным разбойником, в длительной и кровавой борьбе.

С Хаджи-Муратом они жили то в мире, то в ссоре. Много легенд существует о них, много былей.

Возведя Хаджи-Мурата в сан наиба, Шамиль послал его в Хайдак и Табасаран, чтобы привлечь их на свою сторону, вернее, чтобы вовлечь их в войну. Он надеялся, что Хаджи-Мурат будет действовать убеждением, однако новый наиб навел в Хайдаке и Табасаране порядок кнута и огня. Если

кто осмеливался заикаться о законе, Хаджи-Мурат показывал свой кулак и говорил: "Вот ваш закон. Я Хаджи-Мурат из Хунзаха. Я и есть для вас главный закон".

До Шамиля дошли слухи о жестокостях Хаджи-Мурата. Он послал гонца и вызвал наиба к себе. Тот вернулся с большой добычей. Его отряд гнал впереди себя стада рогатого скота, отары овец, табуны лошадей. Сам Хаджи-Мурат держал поперек седла похищенную красавицу.

- Ассалам алейкум, имам! – приветствовал Хаджи-Мурат своего вождя, сходя с коня.

- Ваалейкум ассалам, наиб. С приездом тебя. С чем хорошим приехал?

- Не с пустыми руками. Есть серебро, есть отары, есть кони, есть ковры. Хорошо ткут ковры в Табасаране.

- А красавицы не найдется?

- Есть и красавица. Да еще какая! Для тебя привез, имам.

Воины некоторое время смотрели в глаза друг другу. Потом Шамиль сказал:

- Скажи, с этой красавицей, что ли, я пойду воевать? Мне нужны не овцы, а люди. Мне нужны не кони, а всадники. Ты угнал у них скот. Но этим ты ранил их сердца и отворотил от нас. Они должны были стать нашими воинами, заменить убитых и раненых. А кем их теперь заменишь? Разве случилось бы с нами то, что случилось в Салты и Гергебиле, если бы хайдакцы и табасаранцы были с нами? И разве допустимо, чтобы одни дагестанцы разоряли других дагестанцев?

- Имам, но другого языка они не понимали!

- А ты постарался сам понять их язык? Если бы понял, то обошлось бы без кнута и огня. Разве разбойники мои наибы?

- Имам, я - Хаджи-Мурат из Хунзаха!

- Я тоже - Шамиль из Гимры. А Кебед-Магомед из Телетля, а Гусейн из Чиркея. Ну и что из того? Аварцы, хиндаляльцы, кумыки, лезгины, лакцы, ограбленные тобой хайдакцы и табасаранцы – все мы сыновья одного

Дагестана. Мы должны понимать друг друга. Ведь мы - пальцы одной руки. Для того, чтобы получился кулак, все пальцы должны крепко-крепко соединиться. За храбрость спасибо тебе, Хаджи-Мурат. За это ты достоин любой награды. Твоя голова увенчана чалмой. Но теперь я тебя не одобряю.

- Когда другие в таких же чалмах грабили, ты ничего им не говорил, имам. Теперь, где бы гром ни гремел, все на мою голову.

- Я знаю, кого ты имеешь в виду, Хаджи-Мурат: Ахбердилава, моего сына Кази-Магомеда или даже меня самого. Но Ахбердилав ограбил в Моздоке нашего врага. Я отнял добро у ханов, которые не хотели идти вместе с нами и даже пытались противостоять нам. Нет, Хаджи-Мурат. Чтобы быть наибом, недостаточно иметь смелое сердце и острый кинжал. Надо иметь еще хорошую голову.

Такие споры часто возникали между Шамилем и Хаджи-Муратом. Эти распри раздувались, преувеличивались молвой, и в конце концов злая вражда разделила их. Хаджи-Мурат покинул Шамиля, ушел на другую сторону, лишился головы. Тело его погребено в Нухе. Знаменательное разделение: голова досталась врагу, а сердце осталось в Дагестане. Какая судьба!

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАТА

Отрубленную вижу голову

И боевые слышу гулы,

А кровь течет по камню голому

Через немирные аулы.

И сабли, что о скалы точены,

Взлетают, видевшие виды.

И скачут вдоль крутой обочины

Кавказу верные мюриды.

Спросил я голову кровавую:

"Ты чья была, скажи на милость?"

И как, увенчанная славою,

В чужих руках ты очутилась?"
И слышу вдруг:
"Скрывать мне нечего,
Я голова Хаджи-Мурата,
И потому скатилась с плеч его,
Что заблудилась я когда-то.
Дорогу избрала не лучшую,
Виной всему мой нрав тщеславный..."
Смотрю на голову заблудшую,
Что в схватке срублена неравной.
Тропинками, сквозь даль
простертыми,
В горах рожденные мужчины,
Должны живыми или мертвыми
Мы возвращаться на вершины.

Перевел Я. Козловский

Увезли имама из Дагестана. Настроили крепостей с амбразурами во все стороны. Пушки и ружья смотрели из амбразур. Они хотя и не стреляли, но как бы говорили: "Смирно сидите, горцы, ведите себя хорошо и тихо".

В печальной доле племя этих гор,
В печальной доле реки, звери, птицы,
Казалось, нет дороги на простор
И только в смерти выход из темницы.

"Земля дикарей", – сказал один губернатор, уезжая из Дагестана. "Они живут не на земле, а в пропасти", – писал другой.

"Этим диким туземцам и та земля, что есть, – лишняя", – утверждал третий.

Но даже в то глухое время звучали голоса Лермонтова, Добролюбова, Чернышевского, Бестужева-Марлинского, Пирогова... Да, были в царской

России люди, понимавшие душу горца, сказавшие добрые слова о народе Дагестана. Если бы горцы могли тогда понять их язык!

Вечный снег на горах Дагестана,

Вечной ночи над ним темнота,

- сказал некогда Сулейман Стальский, глядя на родную землю.

"С тех пор, как Дагестан посадили в темницу, все месяцы года имеют по тридцать одному дню", - писал некогда мой отец.

"Горы, мы с вами сидим в подвале", – сказал некогда Абуталиб.

"От такого горя и тур грустит в горах", - пела некогда Анхил Марин.

"Об этом мире и думать нечего. У кого жирнее хинкалы, у того больше и славы", - махнул рукой Махмуд.

"Счастья нигде нет", - сделал вывод, объездив весь мир, кубачинец Ахмед Мунги.

Но Ирчи Казак писал: "Мужчина Дагестана везде должен оставаться мужчиной Дагестана".

Но тот же Батырай писал перед смертью: "Пусть у храбрых не рождаются робкие сыновья".

Но тот же Махмуд пел:

Если тур заплутался в горах, где темно,

Иль тропу, или смерть он найдет все равно.

Но тот же Абуталиб сказал: "Этот мир вот-вот загремит. Пусть же он загремит громче".

И пришло время - раздался гром. Ударило далеко, не сразу докатилось до Дагестана, но все уже было разделено на две части зримой красной чертой: история, судьбы, жизнь каждого человека, все человечество. Гнев и любовь, мысль и мечты – все разделилось надвое.

- Загремело!..

- Где загремело?

- По всей России.

- Что загремело?

- Революция.
- Чья революция?
- Детей трудового народа.
- Ее цель?
- Кто был ничем, тот станет всем.
- Ее цвет?
- Красный.
- Ее песни?
- "Это есть наш последний и решительный бой".
- Ее армия?
- Все голодные и горестные. Великая армия труда.
- Ее язык, нация?
- Все языки, все нации.
- Ее глава?
- Ленин.
- Что говорит Революция горцам Дагестана? Переведите нам. Герои и

певцы перевели на все наречия Дагестана язык революции:

"Веками угнетенные народы Дагестана! В наши дома, на наши поля по извилистым горным тропинкам пришла великая Революция. Слушайте ее и служите ей. Она говорит вам слова, которых вы никогда не слышали. Она говорит:

- Братья! Новая Россия подает вам свою руку. Принимайте ее, сплетайтесь с нею в крепком рукопожатии, в ней ваша сила и ваша вера.

- Дети ущелий и гор! Открывайте окна в большой мир. Начинается не день новый, а новая судьба. Идите навстречу этой судьбе!

- Теперь вы не обязаны гнуть спину перед сильными. Отныне на вашего коня не сядет чужой. Теперь ваши кони – ваши кони, ваши кинжалы – ваши кинжалы, ваши поля – ваши поля, ваша свобода – ваша свобода".

Так перевели язык "Авроры" на языки народов Дагестана. Его перевели Махач, Уллубий, Оскар, Джелал, Кази-Магомед, Магомед-Мирза, Гарун и другие мюриды революции, хорошо знавшие горести Дагестана.

И пошел Дагестан навстречу своей судьбе. Горцы приняли цвет и песни революции. Но испугались ее враги. Это над их головами загремел гром, под их ногами зашаталась земля, перед ними вскипело море, за их спинами обрушились скалы. Затрясся и рухнул старый мир. Разверзлась глубокая пропасть.

- Дайте руку! - взмолились враги революции, называвшие себя друзьями Дагестана.

- Ваши руки в крови.

- Постой, не уходи, оглянись, Дагестан!

- А на что оглядываться, что позади? Нищета, ложь, темнота и кровь.

- Маленький Дагестан! Куда ты?

- Искать большое.

- Окажешься ты как маленький челнок в большом океане. Пропадешь.

Исчезнут твой язык, твоя религия, твои адаты, твоя папаха, твоя голова! угрожали они.

- Я привык ходить по тесным тропинкам. Теперь, на широкой дороге, неужели сломаю ногу? Слишком долго я искал этот путь. Ни один волос не упадет с моей головы.

- Дагестан – вероотступник. Он погибает. Спасите Дагестан! – каркали вороны, выли волки. Кричали, угрожали, просили, убивали, обманывали. Кто только не кидал камень в зажженный фонарь! Кто только не пытался сжечь великий мост! Знамя сменялось знаменем, разбойник сменялся разбойником. Словно шубу в зимнюю холодную ночь, тянули друг у друга, рвали в клочья маленький Дагестан. А он метался, как тур, освобожденный от цепи. Каждый с жадностью хищника кинулся ловить его для себя. Какие только охотники не стреляли в него!

"Я, имам Дагестана Нажмудин Гоцинский, выбран народом у Андийского озера. Моя сабля ищет папаху, увенчанную красным лоскутом материи!" "Братья по религии, мусульмане! Идите за мной. Это я поднял зеленое знамя ислама", – так говорил зычным голосом другой человек. Его звали Узун-Хаджи.

"Пока я не вздерну на жердь голову последнего большевика и не выставлю ее на самой высокой горе Дагестана, я не повешу свое оружие на гвоздь!" шумел князь Нухбек Тарковский.

Как раз в тот год в Хунзахе построил себе дворец полковник царской армии Кайтмаз Алиханов. Он позвал одного горца, чтобы показать ему новое жилище. Довольный собой и дворцом, Кайтмаз спросил:

- Ну как, хорош мой дворец?

- Для умирающего человека даже слишком хорош, – ответил горец.

- Зачем мне умирать?

-Революция...

- Ее я в Хунзах не пушу! – сказал полковник Алиханов и вскочил на белого скакуна.

"Я Саидбей - родной внук имама Шамиля. Пришел сюда от турецкого султана, чтобы с помощью его аскеров освободить Дагестан", – так заявил еще один пришелец, а с ним были всевозможные турецкие паши и беи.

"Мы - друзья Дагестана", – кричали интервенты, и на земле Дагестана высадился британский десант.

"Дагестан - это ворота Баку. И я на этих воротах повешу крепкий замок!" - хвалился полковник царской армии Бичерахов и разрушил Порт-Петровск.

Много было непрошенных гостей. Чья только грязная лапа не рвала рубаху на груди Дагестана! Какие знамена здесь не промелькнули! Какие ветры не крутились! Какие волны не разбивались о камни!

"Если ты не покоришься, Дагестан, мы столкнем тебя в море и утопим!" грозили пришельцы.

В то время мой отец писал: "Дагестан похож на животное, которое со всех сторон клюют птицы".

Была стрельба, был огонь, была кровь, дымились скалы, горел хлеб, разорялись аулы, болезни косили людей, крепости переходили из рук в руки. И длилось все это четыре года.

"Продав поле, покупали коня, продав корову, покупали саблю", говорили тогда горцы.

Ржали лошади, теряя всадников. Вороны клевали глаза убитых.

Отец сравнивал Дагестан того времени с камнем, через который с шумом протекло множество разных рек. А мать сравнивала его с рыбой, плывущей против многих бурных потоков.

Абуталиб вспоминает: "Каких только зурнистов не повидала наша страна!" Сам он был зурначом партизанского отряда.

Сейчас перьями пишут ту повесть, ту историю, которая была уже написана саблями. Сейчас, изучая те дни, взвешивают на весах и славу, и подвиги. Оценивая героев, ученые спорят между собой, можно даже сказать, воюют.

Но герои отвоевали. И мне, право, не важно, кто был первым, кто вторым, а кто третьим. Важно другое: революция вложила свой кинжал в ножны, полой черкески стерев кровь последнего убитого врага. И горец из этого кинжала уже выковал серп. Свой острый штык он воткнул между камней на откосе. Налегая на соху, начал пахать свою землю, понукая, погнав своих быков, нагрузил на арбу сено со своего поля.

Водрузив красное знамя на вершине горы, Дагестан закрутил усы. Из чалмы лжеимама Гоцинского он сделал пугало, а самого имама покарала революция. Перед судом взмолился Гоцинский: "Белый царь в живых оставил Шамиля. Волос не упал с его головы. Почему же вы меня убиваете?"

Дагестан и революция ему ответили: "Такому, как ты, Шамиль тоже отрубил бы голову, он говорил: "Предателю лучше находиться в земле, чем

на земле". Да, кара свершилась, и ни одна гора не содрогнулась, никто не заплакал, никто не установил на его могиле каменного надгробья.

Через Цунтинские леса бежал на своем белом коне Кайтмаз Алиханов. Бежали с ним и два его сына. Но их настигли красные партизанские пули. Белый конь полковника, понурившись, хромя на одну ногу, вернулся в крепость Хунзах.

- По неверной дороге пустили они тебя, – сказал бедному животному Муслим Атаев. – И Дагестан хотели пустить по такой же дороге.

Прогнали и Бичерахова. В волнах Каспия утонули его разрозненные отряды. "Аминь", – сказали волны, смыкаясь над ними. "Аминь, – сказали и горы, – пусть в ад попадут те, кто на земле творил ад".

В Стамбуле я пошел на базар. Окружавшие меня бывшие аварцы показали мне там одного старика, шедшего сквозь толпу. Он был похож на мешок, из которого высыпали зерно.

- Он - Казимбей.

- Какой Казимбей?

- Тот, который приходил в Дагестан с войсками султана.

- Неужели он еще жив?

- Тело, как видите, живо. Нас познакомили.

- Дагестан... Знаю я эту страну, – сказал дряхлый старик.

- Вас в Дагестане тоже знают, – сказал я.

- Да, я там был.

- Еще приедете? – спросил я нарочно.

- Больше не приеду, – сказал он и поспешил за свой прилавок. Неужели этот мелкий торговец на стамбульском базаре забыл, как он в Касумкенте прямо в поле убил трех мирных землепашцев? Неужели он не вспомнил скалу в горах, с которой бросилась юная горянка, лишь бы не попасть в руки его янычар? Неужели не вспомнил этот торговец, как к нему из сада привели мальчонку, как он отобрал у него вишню и косточкой плюнул прямо ему в

глаза? Но, во всяком случае, не забыл он, как бежал в нижнем белье и как горянка крикнула ему вслед: "Эй, вы забыли папаху!"

Бежали из Дагестана грабители. Бежали британские десантники. Бежал Казимбей, бежал Саидбей, внук Шамиля.

- Где сейчас Саидбей? – спросил я в Стамбуле.

- Уехал в Саудовскую Аравию.

- Зачем?

- По торговым делам. Там у него есть немного земли.

Торговцы! Не пришлось вам поторговать в Дагестане. Революция сказала: "Базар закрыт". Кровавой метлой вымела она из горской земли всю нечисть. Теперь лишь чахлые тела "защитников и спасителей Дагестана" бродят где-то в чужих краях.

Несколько лет тому назад в Бейруте состоялась конференция писателей стран Азии и Африки. Меня тоже послали на эту конференцию. Приходилось иногда выступать не только на конференции, но и в других местах, куда нас приглашали. На одном таком вечере я рассказывал о своем Дагестане, о его людях, обычаях, читал стихи разных дагестанских поэтов и свои.

После вечера на лестнице меня остановила молодая красивая женщина.

- Господин Гамзатов, можно ли поговорить с вами, не уделите ли вы мне немножко времени?

Мы пошли по вечерним улицам Бейрута.

- Расскажите о Дагестане. Пожалуйста, все, – просила моя неожиданная спутница.

- Но я только что рассказывал целый час.

- Еще, еще!

- А что вас интересует больше?

- О, все! Все, что касается Дагестана!

Я начал рассказывать. Мы брели наугад. Не давая мне еще закончить, она просила:

- Еще, еще.

Я рассказывал.

- Прочтите свои стихи на аварском языке.

- Но вы же ничего не поймете!

- Все равно.

Я читал стихи. Чего не сделаешь, когда просит молодая красивая женщина. К тому же в ее голосе чувствовался такой искренний интерес к Дагестану, что отказать было нельзя.

- А не споете ли вы аварскую песню?

- О нет. Петь я не умею.

"Сейчас заставит меня танцевать", – подумалось мне.

- Хотите, я вам спою?

- Сделайте милость.

В это время мы вышли к морю, зеленовато освещенному яркой луной.

И вот в далеком Бейруте неизвестная мне красавица на непонятном языке запела для меня дагестанскую песню "Далалай". Но когда она запела вторую песню, я понял, что поет она на кумыкском языке.

- Откуда вы знаете кумыкский язык? – удивился я.

- К сожалению, я его не знаю.

- Но песня...

- Этой песне меня научил мой дедушка.

- Он что, был в Дагестане?

- Да, в некотором роде он бывал.

- Давно?

- Видите ли, мой дед – Нухбек Тарковский.

- Полковник?! Где он сейчас?

- Жил в Тегеране. В этом году умер. Умирая, он все время просил меня петь ему эту песню.

- О чем она?

- О перелетных птицах... Он меня научил и одному дагестанскому танцу. Смотрите!

Женщина вся засветилась, как молодая луна, она легко вскинула руки и поплыла по кругу, словно лебедь по озеру.

Потом я попросил ее еще раз спеть песню о перелетных птицах. Она и перевела мне слова. Придя в гостиницу, я по памяти записал песню, но уже переводя на аварский язык.

Да, в Дагестан пришла весна. Но я все думаю, какое отношение имеет князь Нухбек Тарковский к этой песне о перелетных птицах? Зачем ему, живущему в шахском Тегеране, вспоминать солнце красных гор, ему, полковнику, который бежал от революционного края и от мести Дагестана? Как он мог испытать чувство тоски по родине?

Сначала, живя в Иране, Тарковский говорил: "То, что произошло со мною и с Дагестаном, – ошибка судьбы, и я вернусь туда, чтобы исправить эту ошибку". Он и вместе с ним другие эмигранты каждый день ходили на берег Каспия, чтобы узнавать новости из Дагестана. Но они видели каждый раз, что на мачтах кораблей, плывущих по Каспию, полощутся красные флаги. Осенью, глядя на летящих с севера птиц, тоскующая его жена пела песни. Пела она и эту песню о перелетных птицах. И сначала князю Тарковскому эта песня очень не нравилась.

Шли годы. Выросли дети. Состарился полковник. Он понял, что навеки лишен Дагестана. Он понял, что Дагестану предназначена другая судьба, что страна эта сама выбрала для себя единственный и правильный путь. И тогда престарелый князь тоже запел песню о перелетных птицах.

Отец говорил:

- Дагестан не пойдет с теми, кто не пошел с Дагестаном.

Абуталиб добавлял:

- Кто сел на чужого коня, тот быстро свалится. Наш кинжал не идет к чужому покрою одежды.

Сулейман Стальский писал:

"Я был подобен клинку, зарытому в землю. Советская власть вытащила меня, отчистила от ржавчины, и я заблистал".

Отец еще говорил:

- Хоть мы и всегда были горцами, но только сейчас поднялись на вершину горы.

Абуталиб добавил:

- Дагестан, выходи из подвала!

Моя мать пела, качая люльку:

Спи спокойно, мир в горах настал,

Выстрелов не слышно среди скал.

- Самый короткий месяц февраль, а какой важный, - говорил также Абуталиб, – в феврале свергли царя, в феврале образовалась Красная Армия, в феврале Ленин принял делегацию горцев.

В то время в далеком ауле Ругуджа женщины сложили песню о Ленине:

Ты первым пришел и людьми нас назвал,

Оружье победное в руки нам дал,

Как гуси, услышав орла, разлетаются прочь,

От Ленина-солнца развеялась темная ночь.

У маленького народа большая судьба. Поют дагестанские птицы. Звучат слова сынов революции. О них говорят дети. Имена их высечены на могильных камнях. Но у иных героев не известны могилы.

Я люблю тихой ночью бродить по улицам столицы Дагестана. Когда читаю названия улиц, мне кажется, снова заседают ревкомы республики. Махач Дахадаев! Слышу я его голос: "Мы – борцы революции. Языки наши, имена наши, характеры наши – разные. Но у всех нас есть одно общее: верность революции и Дагестану. Никто из нас не пожалеет ни крови, ни жизни ради революции и Дагестана".

Махача убили разбойники из отряда князя Тарковского.

Уллубий Буйнакский. Слышу его голос: "Враги меня убьют. Убьют они и моих друзей. Но сжатые в единый кулак наши пальцы никакому врагу не удастся разжать. Этот кулак тяжел и верен, потому что его сжали беды

Дагестана и идеи революции. Он схватит за горло угнетателей. Знайте об этом".

Молодого дагестанского коммуниста, двадцативосьмилетнего Уллубия убили деникинцы. Они убили его в пустыне. Теперь там растут маки.

Слышу я голос Оскара Лещинского, Кази-Магомеда Агасиева, Гаруна Саидова, Алибека Багатырова, Сафара Дударова, Солтан-Саида Казбекова, отца и сына Батырмурзаевых, Омарова-Чохского... Их много, убитых. Но каждое имя - это огонь, звезда, песня. Все они герои, оставшиеся вечно молодыми. Они наши дагестанские Чапаевы, Щорсы, Шаумяны. Они погибли в Ахтах, в ущелье Ая-Кака, у Касумкентского потока, за стеной Хунзахской крепости, в сожженном Хасавюрте, в древнем Дербенте. В Араканском ущелье нет камня, который не обагрен кровью дагестанских комиссаров. В Мочохских кряжах была расставлена западня для отряда Багатырова. Видели кровь Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск и все четыре Койсу, куда теперь бросают цветы в память о погибших. Погибли сто тысяч дагестанцев - коммунистов и партизан. Но другие народы узнали о Дагестане. Миллионы друзей протянули руки красному Дагестану. Познав тепло этих дружеских рук, дагестанцы сказали: "Теперь нас немало".

Война не рождает людей. Но в огне революционных боев родился новый Дагестан.

13 ноября 1920 года был созван Первый чрезвычайный съезд дагестанских народов. На съезде от имени правительства РСФСР выступил Сталин. Он объявил автономию Стране гор – Дагестану. Новое имя, новый путь, новая судьба.

Вскоре дагестанский народ получил подарок. Ленин прислал свою фотографию с надписью: "Красному Дагестану". Кубачинские златокузнецы и унцукульские краснодеревщики создали невиданную рамку для этого портрета. В этом же году из махачкалинского порта вышел новый пароход – "Красный Дагестан". Но и сам Дагестан походил теперь на могучий корабль, вышедший в большое новое плавание.

"Утренняя звезда". Так называли первый дагестанский журнал. Пришло в Дагестан утро. Открылись окна в широкий мир.

В трудные дни гражданской войны, когда в горах хозяйничали отряды Гоцинского, мой отец получил письмо от однокашника по медресе.

В письме бывший соученик рассказывал о Нажмудине Гоцинском и о его войсках. В конце письма отец прочитал: "Нажмудин недоволен тобой. Мне показалось, что он очень хотел бы, чтобы ты обратился к горской бедноте со стихами, где рассказал бы правду об имаме. Я взял на себя обязанность связаться с тобой и обещал ему, что ты это сделаешь. Прошу тебя, исполни мою просьбу и желание имама. Нажмудин ждет твоего слова".

Отец ответил: "Если ты взял на себя такое обязательство, то ты и пиши стихотворение о Нажмудине. Что касается меня, то я не намерен проводить воду к его мельнице. Вассалам, вакалам..."

В то же время большевик Магомед-Мирза Хизроев вызвал отца в Темир-Хан-Шуру и предложил сотрудничать в газете "Красные горы". В этой газете и было опубликовано стихотворение отца "Обращение к горской бедноте".

Отец писал о новом Дагестане, он сотрудничал в газете "Красные горы". Шло время. У Магомеда-Мирзы Хизроева родилась дочка. Позвали отца, чтобы он выбрал ей имя. Высоко подняв девочку, отец провозгласил:

- Загъра!

Загъра - это значит звезда.

Родились новые звезды. Росли дети, носящие имена погибших героев. Весь Дагестан стал похож на большую колыбель.

Каспийские волны пели ему колыбельные песни. Огромная страна склонилась над Дагестаном, как над ребенком.

А мама пела тогда песни о ласточках, о травах, прорастающих из-под камней, о цветах, расцветающих осенью. Под эти колыбельные напевы выросли в нашем доме три сына и одна дочь.

И вновь выросли в Дагестане сто тысяч сыновей и дочерей. Выросли землепашцы, скотоводы, садоводы, рыбаки, каменотесы, чеканщики, агрономы, врачи, учителя, инженеры, поэты, артисты. Поплыли корабли, полетели самолеты, загорелись невиданные доселе лампы.

- Теперь я стал хозяином большого богатства, – сказал Сулейман Стальский.

- Теперь я в ответе не только за аул, но и за всю страну, – сказал мой отец.

- Мои песни, летите в Кремль! – воскликнул Абуталиб.

Новые поколения создавали новые черты народа.

Великая Страна Советов – могучее дерево. Дагестан – ветка на нем.

И вот, чтобы это дерево выкорчевать, чтобы сжечь его ствол и его ветки, напали на нас фашисты.

В тот день жизнь должна была идти своим чередом. В Хунзахе воскресный базар. В крепости – выставка достижений сельского хозяйства района. Отряд молодежи пошел штурмовать вершину Седлогоры. Аварский театр готовил к постановке пьесу моего отца "Сундук бедствий". Вечером должна была состояться премьера.

Но утром открылся такой сундук бедствий, что все остальные бедствия пришлось забыть. Утром началась война.

Тотчас потянулись из разных аулов цепочки мужчин и молодых людей, вчера еще мирных пастухов и земледельцев, а сегодня защитников Родины. Старушки, дети и женщины стояли на крышах всех дагестанских аулов и долго глядели вслед уходящим. И уходили надолго, многие навсегда. Только и слышалось:

- Прощай, мама.

- Будь здоров, отец.

- До свидания, Дагестан.

- Счастливой дороги вам, дети, возвращайтесь с победой. Из Махачкалы, как бы отделяя горы от моря, идут и идут поезда. Они увозят

молодость, силу, красоту Дагестана. Эта сила понадобилась всей стране. Слышалось то и дело:

- До свидания, невеста.
- Прощай, жена.
- Не оставляй меня, я хочу с тобой.
- Вернемся с победой!

Идут поезда. Идут непрерывные поезда.

Вспоминаю родное педучилище. У братской могилы жертв революции выстроен конный дагестанский полк. Им командует красный партизан, прославленный Кара Караев. Суровые, сосредоточенные лица. Полк принимает присягу.

Девяностолетний горец перед уходящим полком произносит речь:

- Жалко, что мне сегодня не тридцать лет. Но и я могу отправиться вместе с тремя сыновьями.

Потом появились: эскадрилья истребителей "Дагестан", танковая колонна "Шамиль", бронепоезд "Комсомол Дагестана". Отцы и дети воюют в одном ряду. Военская доблесть снова засветилась над горами. Браслеты, серьги, пояса, кольца, подарки женихов, мужей и отцов, серебро и золото, драгоценные камни, старинное искусство Дагестана наши женщины отдали большой стране, чтобы она ковала победу.

Да, ушел на фронт Дагестан. Он воевал вместе со всей страной. В каждой воинской части, у моряков, у пехотинцев, у танкистов, у летчиков, у артиллеристов – всюду можно было встретить дагестанца: стрелка, пилота, командира, партизана. Со всех обширных фронтов стекались в маленький Дагестан скорбные письма.

В нашем ауле Цада семьдесят саклей. Почти столько же юношей ушло на войну. Мама говорила во время войны: "Я часто вижу во сне, будто все наши цадинские ребята собираются на Нижней поляне". Иногда, увидев звезду в небе, она говорила: "Наверно, эту звезду видят сейчас и наши аульские парни где-нибудь около Ленинграда". Когда с севера прилетали к

нам перелетные птицы, моя мама спрашивала: "Не видали ли вы наших цадинских ребят?"

Горянки, читая письма, слушая радио, заучивали наизусть непонятные и трудные для них слова: Керчь, Брест, Корсунь-Шевченковский, Плоешти, Констанца, Франкфурт-на-Майне, Бранденбург. Особенно путались горянки в двух названиях – Бухарест и Будапешт, – удивляясь, что это два разных города.

Да, где только не побывали юноши из аула Цада!

В сорок третьем году мы с отцом поехали в город Балашов. Там в госпитале умер мой старший брат. На берегу маленькой речки мы нашли могилу и прочитали надпись: "Магомед Гамзатов".

Отец посадил на могиле деревце, русскую березу. Он сказал:

"Расширилось теперь наше цадинское кладбище. Большим теперь стал наш аул".

Чтец

ЦАДИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ...

В саванах белых,
Соседи, лежите вы, скрытые тьмой.
Вернулся домой я из дальних пределов,
Вы близко, но вам не вернуться домой.
В ауле осталось друзей маловато,
В ауле моем поредела родня...
Племянница – девочка старшего брата,
Сегодня и ты не встречала меня.
Что стало с тобой – беззаботной, веселой?
Года над тобою текут как вода.
Вчера твои сверстницы кончили школу,
А ты пятиклассницей будешь всегда.
И мне показалось нелепым и странным,

Что в этом краю, где вокруг никого,
Зурна моего земляка Бияслана
Послышалась вдруг у могилы его.
И бубен дружка его Абусамата
Послышался вновь, как в далекие дни,
И мне показалось опять: как когда-то,
На свадьбе соседа гуляют они.
Нет... здесь обитатели не из шумливых,
Кого ни зови, не ответят на зов...
Цадинское кладбище – край молчаливых,
Последняя сакля моих земляков.
Растешь ты, свои расширяешь границы,
Теснее надгробьям твоим что ни год.
Я знаю, в пределах твоих поселиться
Мне тоже когда-нибудь время придет.
Сходиться, куда б ни вели нас дороги,
В конечном итоге нам здесь суждено,
Но здесь из цадинцев не вижу я многих,
Хоть знаю, что нет их на свете давно.
Солдат молодых и седых ветеранов
Не дома настигла кромешная тьма.
Где ты похоронен, Исхак Биясланов,
Где ты, мой товарищ Гаджи-Магома?
Где вы, дорогие погибшие братья?
Я знаю, не встретиться нам никогда.
Но ваших могил не могу отыскать я
На кладбище в нашем ауле Цада.
На поле далеком сердца вам пробило,
На поле далеком вам руки свело...
Цадинское кладбище, как ты могилы,

Могилы свои далеко занесло!
И нынче в краях, в холодных и жарких,
Где солнце печет и метели метут,
С любовью к могилам твоим не аварки
Приносят цветы и на землю кладут.

Перевел Н. Гребнев

У нас в ауле в сельсовете на стене висела во время войны большая карта. Тогда по всей стране много висело таких карт. Обычно на них отмечали красными флажками линию фронта. На нашей карте тоже были флажки, но обозначали они другое. Они были воткнуты в тех местах, где погибли наши цадинцы. Много было флажков на карте. Столько же, сколько и материнских сердец, раненных этими острыми булавками.

Да, не маленьким оказалось цадинское кладбище, немаленьким оказался наш аул.

Тоскующие матери ходили к гадалкам, гадалки успокаивали горянок: "Вот дорога. Вот огонь. Вот победа. Вернется к тебе твой сын. Наступит мир и покой".

Хитрили гадалщицы. Но насчет победы они не ошиблись. На стене рейхстага среди прочих есть и такая надпись, вырезанная штыком: "Мы из Дагестана".

Снова старики, женщины и дети стояли на крышах саклей и глядели вдаль. Но теперь они не провожали, а встречали своих орлов. На горных дорогах не было верениц людей. Уходили все сразу, а возвращались поодиночке. У некоторых женщин на головах яркие, а у некоторых черные платки. Спрашивают чужие матери у тех, кто вернулся:

- А где мой Омар?
- Не видал ли моего Али?
- Скоро ли вернется мой Магомед?

И моя мать повязалась черным платком. Не вернулись Магомед и Ахильчи, два ее сына, два моих брата. Не вернулись многие из тех, кого

видела мать в своих окнах играющими на Нижней поляне. Не вернулись те, кому гадалыщицы предсказывали скорое возвращение. Сто человек не вернулись в наш небольшой аул. Сто тысяч человек не вернулись домой по всему Дагестану...

Смотрю на флажки на карте, читаю названия мест, вспоминаю имена моих земляков. В Баренцевом море остался Магомед Гаджиев. В Симферополе танкист Магомед-Загид Абдулманапов. В Сталинграде погиб пулеметчик Ханпаша Нурадилов, чеченец, но сын Дагестана. В Италии командовал партизанами и погиб храбрец Камалов...

В каждом горном ауле стоят пирамидные памятники, а на них имена, имена, имена. Горец сходит с коня, подъезжая к ним, пеший снимает папаху.

Журчат в горах родники, носящие имена погибших. Старики сидят около родников, потому что они понимают язык воды. В каждом доме на почетном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым.

Когда я возвращаюсь из какой-нибудь далекой поездки, некоторые матери спрашивают меня с затаенной надеждой: "Не встретился ли тебе случайно мой сын?" С надеждой и болью глядят они и на журавлей, пролетающих длинными стаями. Я тоже, когда они пролетают, не могу оторвать от них глаз.

Чтец

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально

Мы замолкаем, глядя в небеса?
Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по земле людьми они брели.
Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?
Летит, летит по небу клин усталый
Летит в тумане на закате дня,
И в том строю есть промежуток малый
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Перевел Н. Гребнев

Ведущий: Летят журавли, вырастают травы, качаются колыбели. Трех вынянчила люлька и в моем доме, три девочки родились у меня. А у другого – четыре, а у других – десять, а то и пятнадцать. Сто люлек качаются в ауле Цада, сто тысяч люлек качаются в Дагестане. По рождаемости Дагестан занимает первое место в Российской Федерации. Стало нас полтора миллиона. А чем больше народу, тем чаще свадьбы, а чем чаще свадьбы, тем больше людей.

В трех случаях нельзя медлить, говорят горцы: когда надо похоронить умершего, накормить гостя и выдать взрослую дочь замуж.

Во всех этих трех делах в Дагестане не опаздывают. Вот зарокотал барабан, запела зурна, начались свадьбы. Поднимая первую чашу, провозгласят: "Пусть невеста родит сына!"

И еще три вещи, которые горец должен неукоснительно выполнять: выпивать рог до конца, беречь имя и не терять мужества в час испытаний.

А испытаний немало выпало на долю горцев. Немало бил молот судьбы по саклям Дагестана, чтобы раздробить их, но они устояли.

А между тем по-прежнему нет покоя в мире. То тут, то там на земном шаре раздается стрельба, рвутся бомбы, и, как всегда, матери прижимают к груди своих детей.

Когда появляются на небе дождевые тучи, земледелец спешит в поле, чтобы убрать скорее то, что скошено. Когда сгущается небо над миром, народы стремятся защитить мир, спасти его от военной грозы.

В Дагестане так говорят: драчливому быку отпиливают рога, кусачую собаку держат на цепи. Если бы и в мире существовал такой обычай, легко бы жилось. С думами о большом мире живет теперь маленький Дагестан.

Раньше, если горцы уходили в набег, не брали с собой слишком уж молодых джигитов. Но Шамиль сказал – надо брать. Невелик палец мизинец, но без него нет крепости кулака.

Пусть Дагестан будет мизинцем в большом и тяжелом кулаке целой страны. Тогда враги, при всем их старании, не разожмут этот кулак.

Кулак этот только для врагов, а на плече друга лежит просто широкая ладонь. Ну и у ладони все равно есть мизинец.

Когда бываю в других странах, прежде всего знакомлюсь с поэтами. Песня песню хорошо понимает. А еще я стараюсь познакомиться с земляками, если такие есть. Конечно, земляки за границей разные. Но не терплю высокомерия к землякам именно потому, что они разные. Я встречал их в Турции, в Сирии, в ФРГ, да и где только не встречал!

Иные дагестанцы оказались вдалеке от родины еще во времена Шамиля. Ушли от своих очагов на поиски счастья, которое не далось дома.

Другие уехали, не поняв революции или поняв, но испугавшись, а третьих революция выдворила сама. Есть и четвертые, самые негодные, самые жалкие и потерянные. Эти изменили родине уже во время последней войны.

Разных дагестанцев повидал я. В Турции побывал даже в дагестанском ауле.

- У нас здесь тоже маленький Дагестан, – сказали мне жители этого аула.

- Нет, вы не правы, Дагестан только один. Двух Дагестанов быть не может.

- А кто же, по-твоему, мы, откуда?

- Да, кто и откуда вы?

- Из Карата, из Батлуха, из Хунзаха, из Акуша, из Кумуха, из Чоха, из Согратля. Мы из разных аулов Дагестана, так же как и те, кто уже лежит в этих могилах на аульском кладбище. Мы тоже маленький Дагестан!

- Вы - были. Некоторые хотят еще быть. Может, и это дагестанцы? спросил я, показывая на портреты Гоцинского, Алихана и Узун-Хаджи.

- А кто же они? Они из нашего народа, одного с нами языка.

- Дагестан их языка не понял, а они не поняли язык Дагестана.

- Каждый по-своему понимает Дагестан. У каждого в сердце свой Дагестан.

- Но не каждого Дагестан считает своим сыном.

- Кого же считает?

- Приезжайте туда, где качаются колыбели наших детей.

- А что говорят там про нас?

- Камни, которые не подошли к стене и остались лишними, когда воздвигался Дагестан. Листья, унесенные осенним ветром, струны, несозвучные главным струнам пандура.

Так я разговаривал с земляками, живущими на чужбине. Среди них есть богатые и бедные, добрые и злые, честные и потерявшие честь,

обманутые и обманщики. Они танцевали при мне лезгинку, но бубен был чужой.

Мы не считаем этих людей, когда говорим, что нас, дагестанцев, полтора миллиона.

Когда я уезжал из Сирии, одна аварка все просила меня передать привет абрикосовому дереву в Гергебиле, потрогать его руками.

Аварские дети на берегу Мраморного моря, у которых отец уехал в Мекку на поклонение, сказали мне:

- А для нас Мекка - Дагестан. Того, кто побывал в Мекке, называют хаджи. А теперь для нас тот хаджи, кому удалось побывать в Дагестане.

Ко мне в Махачкале приходил однажды такой хаджи, который не был на родине сорок лет.

- Ну и как? – спросил я у него. – Изменился Дагестан?

- Если буду там рассказывать - не поверят. Но скажу им одно:

Дагестан есть!

Есть мой Дагестан! Есть республика! Есть народ, язык, имена, обычаи. Вот судьба Дагестана. Играются свадьбы, качаются колыбели, поднимаются тосты, поются песни.

Ведущий:

Понял внезапно сегодня

Важную вещь я одну:

Только в единстве народном

Мы возвеличим страну,

Родину нашу возвысим,

Нацией став вмиг одной:

Каждый из нас независим

Только с родною страной!

Пыл наших душ воссияет,

Сможет беду отвести!

С праздником вас, россияне!

С Днем независимости!

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	3
«МОЯ РОССИЯ» Сценарий театрализованного мероприятия в День России.....	4

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

ДЕНЬ РОССИИ

12 июня

**Репертуарно-методический сборник в помощь
КДУ, центрам культуры МО РД**

Подготовлено

**Республиканским домом народного творчества
МК РД**

**РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О. Кошевого, 35 «а»
e-mail: rdnt35@yandex.ru
web-site: www.dagfolkkultura.ru**